В95 1205

А

М. Лузгин

Возвращение

Детгиз

ОИК
ДЕТ.

ВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

395/205

М. ЛУЗГИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ФРОНТОВЫЕ ЗАПИСИ

Рисунки
Л. ГОЛОВАНОВА

НАРКОМПРОС РСФСР
Государственное Издательство Детской Литературы
Москва 1942 Ленинград

Ответственный редактор *Б. Камир.*
Подписано к печати 22/V 1942 г.
3¼ печ. л. (2,34 уч.-изд. л.).
34 496 зн. в печ. л. Тираж 25 000 экз.
Л54782. Заказ № 2084.
Цена 80 коп.

Фабрика детской книги Детгиза
Наркомпроса РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49.

740015

СТИХИ

— Вот стихов никто не пишет, — сказал с сожалением в голосе редактор «Боевого листка» Лукьянов Ивану Егоршину, младшему политруку, и свернул шуршащий лист только что выпущенного номера газеты.

«Да, хорошо бы стихи, — думал Егоршин, оставшись в блиндаже один. — Хорошо бы! А еще бы лучше песня. Верное слово! Стихи, а к стихам подобрать мотив...»

И оттого ли, что Егоршин думал о стихах, или просто такой уж выпал час, неожиданно где-то в глубине его сознания легко возникли показавшиеся необыкновенно сильными мерные, четкие слова:

Враг пришел коричневой чумою,
Дикая фашистская орда.
Дружною единою семьею
Встали наши села, города...

«Стихи!.. — изумился Егоршин с чувством радости и какого-то смутного стыда. — Стихи! Ну, оторвал! Верное слово!»

Казалось, что слова стиха поют, что в ушах звучит прекрасная мелодия.

Никогда в жизни Егоршин не сочинял стихов и ни-

когда не думал, что мог их сочинять. А вот пришлось — и сочинил!

Может, это были не слишком складные стихи. А все ж таки!

Егоршин снова мысленно повторил четверостишие:

...Дружною единою семьею
Встали наши села, города...

Как же дальше?..

В жизни ответ Егоршин знал, как знали его все.

Обнаглевшую фашистскую нечисть начали бить, начали гнать с советской земли. Но вот выразить это в стихах оказалось делом нелегким. Да и снаряды «фрицев» начали рваться некстати совсем рядом. Этого нужно было ждать: еще вчера они вели пристрелку.

Весь конец дня ушел на политинформацию. Приходилось перебираться из окопа в окоп по ходам сообщения, где просто, а где и ползком. Только вечером, за ужином, Егоршин опять подумал о стихах. Он улыбнулся и не спеша рассказал о них Чиркову, помощнику командира роты. Улыбкой он как бы предупреждал Чиркова, что и сам хорошо понимает, как все это смешно. Но Чирков не засмеялся. Его продолговатое обветренное лицо с зеленоватыми узкими глазами стало серьезным.

— А дальше? — спросил он и задержал ложку с горячим жирным супом у края котелка.

— Да не придумал... нету дальше, — ответил Егоршин смущенно.

Чирков хмыкнул разочарованно:

— Выходит — не Пушкин!

— Безусловно, — с готовностью подтвердил Егоршин. Потом, помолчав, Егоршин добавил с тонкой, глубоко скрытой усмешкой:

— А что бы тебе этим заняться? Верное слово! У тебя, смотри, пойдет.

Как это часто бывает между близкими людьми, Егоршин и Чирков любили иногда уколоть, поддразнить друг друга.

Случались у них и размолвки. Егоршин ел медленно, Чирков — быстро. Это раздражало Егоршина, а Чиркову давало повод для шуток. Почему-то именно в те дни, когда Егоршину выпадала редкая возможность рано лечь, хорошо отоспаться, к Чиркову приходили

комсомольцы Балясный, Кружков, Сидорин и они вчетвером долго пели песни о ямщике и степи, о трех танкистах, о Катюше и еще жалостный романс «Бродяга».

Но в общем Егоршин и Чирков были приятелями: оба молоды, оба младшие политруки. Чирков пришел в часть с пополнением, и хотя имел звание политработника, его назначили помощником командира роты.

Не раз они спали под одной палаткой, не раз делились последним куском хлеба...

А был и такой случай.

«Фрицы» обошли роту. Нужно было проскользнуть в оставшуюся щель. И как на грех, Егоршина ранило в ногу. Пустяковое ранение. После него Егоршин поправился в неделю. Но т о г д а рана мешала.

Егоршин полз между деревьями и все больше отставал. И вот тут ему подумалось, что, пожалуй, выбраться не удастся и он попадет в лапы врага. От этой мысли все тело облило жарким потом. Егоршин пополз быстрее, преодолевая боль.

Тогда-то и выскочил Чирков. Как он там оказался? Егоршин был уверен, что Чирков давно где-нибудь впереди.

— Берись за шею! — крикнул Чирков пригибаясь.

— Не надо, я сам, я могу... ты иди... — отказался Егоршин.

Он полз, морщась от боли.

— Берись. Ну! — крикнул... да нет, не крикнул — рявкнул Чирков.

Ну и сердит же! Трудно было поверить, что это кричит Митя Чирков. Признаться, Егоршин даже несколько растерялся. И, должно быть, именно потому обхватил шею Чиркова. На испуг взял, на испуг! А, конечно, Егоршин мог выбраться и один...

Часть, в которой была рота Егоршина, внезапным ударом по флангу и фронту противника сломала передний край его обороны и прорвалась в глубину. Враг покатился на запад, бросая транспорт, оружие, поджигая на своем пути деревни. Почти в каждой из них можно было найти трупы людей, расстрелянных фашистами. В одной деревне бойцам роты Егоршина удалось спасти нескольких колхозников, запертых немцами в подожженной ими школе. В другой бойцы долго молча

смотрели на скрюченных, покрытых снегом растерзанных красноармейцев с выколотыми глазами, отрубленными пальцами, с исчерна-багровыми язвами на лбах.

Казалось, вырвавшийся на волю сумасшедший, которому одно лекарство — смерть, в предчувствии своей неизбежной гибели творит, убегая, эти кошмарные дела.

Вскоре начался бой за деревню Старый Брод. Это был важный укрепленный немцами пункт: река, узел дорог.

На рассвете батальон пошел в атаку. Егоршин шел вместе с бойцами. Командир роты был ранен, и теперь роту вел Чирков.

Немцы встретили наступающих бешеным огнем. Они били из пулеметов, из минометов... Бойцы остановились и начали зарываться в снег.

«Надо вперед... Что же Чирков?» думал обеспокоенно Егоршин.

Расчет артиллерийской батареи выкатил свое орудие и бил по врагу прямой наводкой. Егоршин вскочил: где же Чирков?

Он искал его недолго.

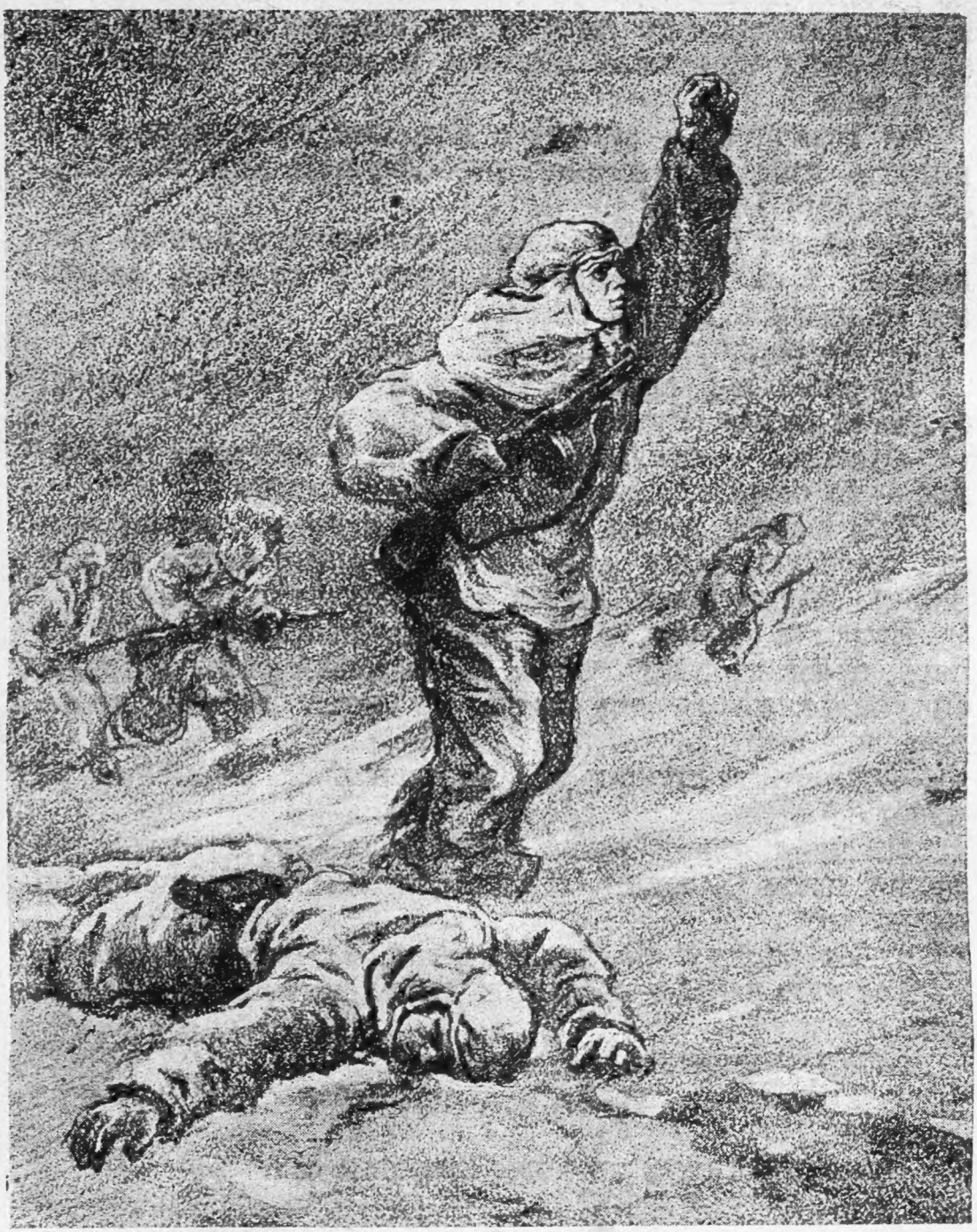
Чирков лежал на груди, широко раскинув руки. Из полуоткрытого мертвого рта на чистый, впервые смятый снег сбегала кровь тоненькой струйкой.

— Митя! — крикнул Егоршин.

Он приподнял грузное тело. Кровь изо рта потекла сильней. Чирков был убит.

«Так!» подумал Егоршин, опустив тело на снег. Он забыл, что черное впереди — это след мин, что посвист кругом — это звук пуль.

Убили Чиркова. Убили Дмитрия Чиркова! Лучшего друга Егоршина! Да, теперь это было ясно: лучшего, вернейшего друга, каких еще не бывало у него... Вспомнился Чирков, веселый, ловкий. И как стремились и льнули к нему люди. И как нравился он девчатам в любом селе, где случалось им стоять. Какой это был деликатный, чуткий товарищ! Это он нарочно, конечно нарочно вернулся тогда в том бою, когда ранило Егоршина... И как он старался есть помедленнее. И как славно, необидно шутил. И как пел ладным своим тенорком грустные песни... Он бы мог, да, конечно, он бы мог сочинить самые лучшие, самые задушевные стихи!



На рассвете батальон пошел в атаку.

И такого парня убили!

«Так!» подумал Егоршин. Он вдруг понял, что́ нужно делать. До последнего дыхания, до последней капли крови! Никогда еще не был так понятен и близок ему смысл этих принятых сердцем и разумом мужественных слов.

— Товарищи! — закричал Егоршин, выпрямляясь, и широко взмахнул автоматом. — Слушай мою команду! За родину! Вперед!

Он видел, как вдруг ожила, поломалась целина, как дружно и сильно поднялись люди в халатах, словно это поднялись глыбы снега.

— За родину! За Сталина! Ура!..

Егоршин вдруг почувствовал толчок в левую руку, будто ее ожгло. Рука повисла плетью.

«Ничего... — подумал Егоршин, — ничего... Главное — не останавливаться, главное — итти!»

Там позади лежал Чирков, руки его обнимали землю, русскую, нашу родную землю... Он отдал за нее жизнь. Ладно, Митя, ладно, ты отдал ее не зря!

Егоршин качнулся. На секунду показалось, что теперь, после второго толчка, после новой раны в грудь, он упадет, не сможет итти. Но нет... можно итти... Егоршин шел.

— Товарищ политрук, вы ранены!.. Ступайте на пэпээм! [1]

Егоршин узнал голос Лукьянова — невнятный, далекий, очень далекий. «Стихи», вспомнил Егоршин. Он закричал:

— За родину! За наших детей, за наших братьев!..

Вот уже первая изба. Она дымится, разбитая снарядом...

Бойцы ворвались на окраину.

— Гранатами, гранатами их! — радостно крикнул Егоршин.

Пуля хлестнула по ноге. Егоршин сел.

Он лежал в отбитой у немцев избе, спеленутый бинтами, ослабевший от большой потери крови.

— Поправляйтесь скорее да снова в часть возвращайтесь! Будем ждать! — весело говорил Лукьянов сдержанным басом, одновременно кивая Балясному на

---

[1] ППМ — пункт первой медицинской помощи.

дверь: мол, пора уходить; мол, Егоршину теперь нужен покой.

Егоршин медленно повернул голову к ним.

— Запиши... запишите, — сказал он полушопотом. Ему представлялось, что говорит он очень громко. — Запишите... для «Листка».

— Как? — не понял Лукьянов.

— Стихи... — Егоршин слабо улыбнулся. — Вспомнил сейчас...

Он заговорил медленно, однотонно, с трудом двигая серыми губами:

Враг пришел коричневой чумою,
Дикая фашистская орда.
Дружною единою семьею
Встали наши села, города...

Он вздохнул. Он устал, очень устал. Но ничего, это потом...

Бесконечное сверкающее поле и человек, прижавшийся к нему, и человек, обнимающий его!.. Проточила хрупкий наст теплая струйка алой крови...

Егоршин пошевелился, словно он хотел подняться. Голос его стал чище, полнее:

В дружбе наша мощь и наша сила,
Дружбою цветет наша страна...
Если друга пуля подкосила,
Друг за смерть его воздаст сполна!..

Егоршин замолчал. Потом опять улыбнулся растерянно, смущенно.

— Забыл, — сказал он виновато. — Забыл дальше.

Лукьянов переглянулся с Баляспым. Тот стоял, вытянув руки.

— А не беда! Ничего! — громко проговорил Лукьянов, двинув плечом, переступив с ноги на ногу, словно стремясь в будничности движений и шума утопить свое волнение. — Ничего! Уж мы допишем!.. Мы допишем. Как надо! Правда, Баляспый?.. Будьте надежны! Мы допишем!..

И он взмахнул длинной рукой — как отрубил.

ДРУЖБА

Сперва комсомолец Земцов — первый номер пулеметного расчета — только наводил и стрелял, потом ему пришлось делать все одному: и определять цели, и заряжать, и вести огонь.

За время боя Земцов несколько раз быстро, «тачкой» толкая перед собой пулемет, менял огневую позицию, тщательно укрывая себя и оружие. Может быть, поэтому фашистам не удалось нащупать и вывести Земцова из строя. Лишь небольшой осколок вражеской мины рассек мякоть левой руки у плеча, кровь пропитала рукав, но перевязывать было некогда, да и особенной боли он не чувствовал.

Взвод боевого охранения, которому был придан пулеметный расчет Земцова, под сильным минометным огнем начал отходить. Тем важнее было то, что пулемет остался цел, а Земцов жив: огонь его пулемета надежно прикрывал отход товарищей.

Земцов продернул новую ленту в окно приемника. Впереди в траве мелькнула каска, на секунду показалась мышиного цвета спина... Земцов нажал на спуск. Четкий клекот пулемета перекрыл беспорядочный треск автоматов, рассыпчато прокатился по лесу. Не обойдут! Пока жив Земцов, пока цел пулемет...

Лента кончилась. Земцов потянулся за другой. Запомнилась сухая, колючая веточка ели, неизвестно как попавшая в коробку и сиротливо лежавшая на ее матовом дне. Коробка была пуста! На секунду сердце сжалось. Оказалось, он расстрелял весь запас лент. Потом он собрался с мыслями. Товарищи уже отошли. Задача прикрытия, в сущности, выполнена. Значит, мог отходить теперь и сам Земцов. Да и что другое мог бы он теперь сделать? Он вытер черной от грязи ладонью затекающий в глаза пот и, крепко взяв пулемет за дугу, пополз. Пулемет покачивался, подпрыгивал на кочках.

Внезапно человек пять-шесть в ненавистной одежде цвета мыши поднялись во весь рост и бросились к Земцову. Впереди, размахивая пистолетом, бежал рослый немец в черных блестящих крагах, с отчетливо видной белой свастикой на рукаве. Видно было и его лицо — одутловатое, с выпученными остекленелыми глазами и перекошенным, широко открытым ртом.

— Хальт, рус, хальт!.. — исступленно кричал немец.

«Ну нет, гад! Этому не бывать!» успел подумать Земцов и, разогнувшись, выхватил из-за пояса гранату. Граната круто взмыла вверх. «Вторую?.. Нет, не сейчас...»

Он услышал знакомый суховатый звук разрыва. Тупой короткий удар ожег бедро. Медленно рассеивалось исчерна-сизое облако дыма. «Где же тот, в крагах?..» Куча мышино-серых тел корчилась возле кустов. Поблескивал солнечный луч на глянце краг. И — никого!

Земцов повернул пулемет к лесу. Штанина на левой ноге около голенища была в крови. Он ощутил глухую боль в левом бедре. Стало понятно: зацепило осколком. Но кость как будто уцелела.

До роты было километра три. Земцов понимал: товарищи недалеко, они будут искать его. Все дело в том, чтобы его не обнаружили немцы.

Там, позади, где враг, теперь была тишина. В течение четырех часов взвод охранения дрался с фашистским батальоном. Не один десяток фашистских солдат нашел здесь свою смерть.

...Земцов поправил у пояса последнюю оставшуюся у него гранату и пополз. Он полз на правом боку по мягкому сырому мху между огромными старыми

елями. Трудно было с пулеметом. Левая рука перестала слушаться, приходилось подтаскивать пулемет правой рукой, потом, опираясь на нее, подтягивать тело. Вот, если бы можно было тащить пулемет левой рукой!..

Земцов любил свое оружие. Испытанный и верный друг! Сколько раз он выручал и Земцова и всю роту! С ним Земцов чувствовал себя смелее, сильнее. Но вот тащить его сейчас...

Как на грех, пулемет то и дело цеплялся за кусты. Вот опять зацепился щитом за низко свесившийся сук. Словно нарочно! Кружилась голова, хотелось перестать двигаться, лечь... Земцов сердито потянул к себе пулемет. Щит соскользнул с сука.

Невдалеке протарахтел мотоциклет; послышался неясный говор. Земцов прилег и затаился. Немцы! Он долго лежал, не доверяя тишине. Влажно пахло болотом, крапивой, грибами. Вероятно, от этих запахов так кружилось и плыло все перед глазами. Тупо ныло бедро, рука онемела и стала точно чужой. Не хотелось и думать о том, что опять надо ползти...

Земцов приподнялся, опираясь на локоть, и, сдерживая стон, пополз, забирая правее, подальше от дороги. Сперва, помнится, должны быть березы, потом мелкий сосняк, а там, где овраг, его рота. Как все-таки тяжел и громоздок пулемет! Главное — не поддаваться, главное — не думать о боли... Большое мертвое дерево перегородило путь — ветхое дерево, подернутое мхами. Один конец его терялся в непролазной чаще осин, другой уткнулся в черную воду болота. «Перетащу», подумал Земцов. Обходить было слишком далеко. Катки с вкрадчивым стуком вплились в мох. Дерево было еще крепко... Земцов взялся за каток. Прежде он шутя мог поднять и нести собранный пулемет. А теперь... Просто смешно, как ослабел! Он толкнул пулемет назад — пулемет не шел и назад. Земцов устало поник около дерева.

Думалось о том, что вчера привезли в роту табак, что Маруся тоже учится стрелять, — это она говорила... или нет, это она написала...

«А пулемет?..» вспомнил Земцов, точно вдруг просыпаясь. Он увидел дерево, мох, дугу, темносерый щит.

Почему, собственно, пулемет нужно тащить? Запом-

нить место, потом притти за ним или сказать товарищам...

Земцов, не оглядываясь, тяжело пополз от дерева. Теперь можно бы и подняться. Немцы редко входят в лес. Если бы не бедро... Из-под куста с шумом взлетела птица и, промелькнув, скрылась в чаще. Земцов прижался к земле. Чорт!.. Какой угрюмый старый лес! Никогда Земцов не чувствовал себя таким одиноким и беспомощным...

Ах да, пулемет! Но ведь у Земцова не было лент. Разве он не сделал все, что мог? Будто он виноват, что его ранили, что пулемет завяз, застрял? И ведь Земцов придет за ним...

Новая мысль возникла вдруг: а что, если раньше, чем он или кто-нибудь из своих, пулемет найдут враги? Как он не подумал об этом!

Земцов стремительно повернул назад. Где он полз? Вон там, по траве? Или около того дерева?.. Только бы не сбиться... Не замечая боли, не ощущая слабости, он передвигался на четвереньках. Нельзя было точно вспомнить, где он полз: десятки мест были совершенно такие же, как те, которые попадались раньше...

«Бросил оружие, — думал он торопясь, волнуясь. — Расстрелять мало, убить...»

На траве впереди мерцала кровь. Земцов прилег. Несомненно, это кровь!.. Земцов оглядывался, не веря себе и узнавая. Ведь это здесь поднялась птица. И здесь он лежал... Ну да, у этой осинки. Это его здесь кровь, его! И там дальше, за этой гривкой...

Да, все было так. Вот елка, согнувшаяся, словно к ее макушке привязан груз; вон там осины, там болото...

Нашел!..

Земцов слабо улыбнулся. Вот оно, мшистое дерево, и хобот пулемета, и рукоятки, к которым столько раз прикасались его руки. Пулемет стоял там, где он его оставил. В неподвижности оружия таилась укоризна. Земцов прикоснулся к кожуху правой рукой. Ладонь ощутила теплоту.

— Ах ты, чудак, дурашка! — растроганно сказал Земцов вполголоса. — Ну, ладно, не брошу, — шептал он, будто пулемет был живым существом и мог услышать.

Одновременно изо всех сил рукою и плечом он налег на него, стараясь приподнять и перебросить через

дерево. Что-то хрустнуло, медленно повернулись катки; пулемет карабкался, поднимался вверх и вдруг, перевалившись катками, стал на землю.

— Вот так,— сказал Земцов, медленно опускаясь на землю, не то себе, не то своему молчаливому боевому другу.

Вторично прочесывая лес, бойцы нашли Земцова и пулемет в молодом сосняке, недалеко от оврага, где была расположена их рота. Они подоспели во-время.

ИСПЫТАНИЕ

Тусклые ноябрьские дни тысяча девятьсот сорок первого.

Фашистские полчища подступали к городу. Им казалось, еще удар, еще один наглый бросок — и Тула, грозная кузница русского оружия, крепость на подступах Москвы, падет, откроет дороги.

Как плохо знали они нашу страну! Как плохо знали они город советских оружейников!

В тающем сумраке рассвета каждый день толпы людей — рабочих, служащих, стариков, женщин, подростков — стекались на окраины города, к его важным магистралям. Кружились стаи фашистских воронов, с звенящим треском рвались бомбы, гудела земля от орудийной канонады. Люди копали рвы, строили блиндажи, ДЗОТы сосредоточенно, бесстрашно, с тем величавым спокойствием, какое приносит непоколебимая, суровая решимость: враг в Тулу не войдет!

Враг в Тулу не вошел.

Это было в середине ноября в два часа ночи.

— Оружие нужно, оружие... минометы! — говорил, медленно шагая по скупо освещенной большой холодной комнате, высокий бледный человек с крупными

чертами лица другому, коренастому, в буденновке, с маленькими глазами, всегда готовыми к улыбке.

— Попробуйте начните! Один и то хорошо. А ну, как пять! А ну, как десять! Да ведь тогда мы этих фрицев...

— Не делали никогда, Василий Гаврилович! Не знаем, что и за штука.

Высокий остановился.

— Самоварная труба, — сказал он, чуть улыбаясь, и выразительно провел правой рукой вверх-вниз.

И стало понятно вдруг: задача бесхитростна, проста.

— Ну, коли так, то ладно... Ладно, попробуем, — тряхнул коренастый буденновкой, сразу повеселев. — Попробуем. Может, и пойдет.

В этот поздний час в Комитете обороны было людно. Здесь не отличали ночь от дня. Здороваясь со знакомыми, коренастый в буденновке — Василий Иванович Ермаков, исполняющий обязанности директора завода — сошел по лестнице. Он думал о том, что предстояло сделать. И снова задача не казалась ни легкой, ни простой. Не было рабочих, не было станков, не было материала. Все это эвакуировано на восток. Никому не известен технологический процесс. «Но ведь нужно, — думал Ермаков, — нужно, вот ведь главное. А раз нужно, расшибись!»

Так начался новый славный эпизод в истории тульских оружейников — знаменитых искусных мастеров.

Во двор завода привезли на санях ветхий, видавший виды миномет. Люди осматривали направленный вверх, лоснящийся цилиндр, прицельный прибор, двуногу. Вот это они должны были научиться делать... Едва ли это в действительности сколько-нибудь походило на самоварную трубу.

Группа конструкторов во главе с инженером Васильевым засела за чертежи. Ермаков метался по городу, по территории завода с пистолетом, в мокрой от пота гимнастерке, с магической силы бланками: крупно, прописными — «для служебного пользования» и мелко — «номер». Больше на них не значилось ничего. Может быть, именно поэтому они действовали безотказно. Подготовлялась, расчищалась заводская площадка, выделялись руководители цехов, налаживалась энергетика. В артелях, в опустевших зданиях ремесленных

Люди осматривали направленный вверх, лоснящийся цилиндр, прицельный прибор, двуногу...

школ отыскивались мало-мальски пригодные станки. Их привозили на завод сами рабочие. Завод наполнялся новой жизнью. Один за другим появлялись у заводских ворот рабочие, остававшиеся в городе.

— Готово у меня, Василий Иванович! Дело пойдет! — докладывал Ермакову Иван Михайлович Коротков, орденоносец, старый мастер завода.

— Подключил станочки, — спешил сообщить Гурьянов — в его ведении была заводская энергетика.

— Теперь будем встречать фюллера! Уж мы встретим теперь фюллера! — подплясывал, приговаривая тонким, писклявым голоском, коммунист старик Орлов, с большими жукастыми усами, как у Буденного.

Снаряды немцев осыпáли площадь завода. По утрам вахтеры деловито подбирали невзорвавшиеся снаряды, взваливали их на тачки, катили к реке, ловко минуя воронки, — сбрасывали под обрыв.

Где-то удалось раскопать и доставить на завод нужного диаметра трубу. Вполне «мирную» водопроводную или паропроводную трубу. Как будто меньше всего она годилась для новой предуготованной ей роли. Но что делать, других не было.

Нет, задача была не бесхитростна и не легка. Нужно было освоить производство около трехсот деталей, сложный подающий механизм, квадрант угломера[1]. Угломеру требовалось стекло — маленький, хрупкий стеклянный пузырек, наполненный спиртом, с плавающим в нем ядрышком воздуха. Такая пустяковина, ничтожность... А где достать в осажденном, эвакуированном городе? Пришлось заняться новым делом, каким еще никогда не занимались оружейники. Конструкторы Обрезков и Столяров лично освоили дутье.

На исходе шестых суток первый миномет, сделанный руками туляков, весь до последнего винтика был собран. Его собрали бригадиры Щипакин и Латов. Предстояло испытание.

«Не самоварная! — взволнованно думал Ермаков. — Не самоварная, а все же труба! Как-то себя покажет...»

Выехали в Рогожинский поселок. Южная его часть была захвачена фашистами: на полигон жаловаться нельзя, ни один снаряд даром не пропадет.

---

[1] Квадрант угломера — часть прицельного прибора миномета.

Начали опробование. На шестом выстреле ствол миномета раздуло. Плита, квадрант угломера покоробились.

— Ну вот, — горько вздохнул Василий Иванович и для чего-то снял буденновку.

Он думал о том, как ждут миномет бойцы рабочего полка, о твердом задании командования, чтобы первый миномет, сделанный тульскими оружейниками, ушел в поход с первым рабочим тульским полком. Полк выступал через три дня.

— Ничего, Василий Иванович, ничего, поправим дело, — задумчиво говорил инженер Васильев, пощипывая свою бородку.

Васильев предложил ряд изменений. Стенки миномета утолщили на одну треть. Возле токарей Осокина, Демина, Панина толпились инженеры, конструкторы, рабочие. Они не говорили ничего. Но и не нужно было слов — все жили одним: «Скорей!»

На втором испытании произвели двадцать пять выстрелов. На двадцать пятом ствол раздуло на том же месте на шесть десятых миллиметра.

Плита и угломер теперь не выдали.

Утолщать стенки больше нельзя было. Решили надеть на тело миномета, в том уязвимом его месте, в горячем виде железное кольцо.

Люди так и не выходили из цехов. Ермаков увидел руководителя группы токарей, старика орденоносца Короткова. Коротков стоял, прислонившись боком к стене, опустив голову.

— Ты что, Иван Михайлович?

Коротков выпрямился, учащенно заморгал.

— Немного устал, Василий Иванович.

Это он задремал так у стены.

Ермаков вспомнил, что мастер, должно быть, не прикасался к подушке уже четверо суток. От работы токарей зависела быстрота сборки.

— Иди в подвал, ложись и спи, — сказал сердито Ермаков.

— Ну вот! Какой теперь сон! — отмахнулся Коротков тоже сердито.

— Слышишь? Приказываю! Обязан исполнять.

— Ну, воля ваша... — Коротков развел руками с преувеличенной покорностью.

Пришел и час третьей проверки. В сущности, она могла быть только последней. Все понимали это. Сдаст миномет и в третий раз — значит, не справились. Значит, полк уйдет без него. Значит, тяжело груженные грузовики не помчат к передовой линии из Тулы, от тульских оружейников это оружие, столь безотлагательно нужное бойцам.

Испытывал миномет интендант третьего ранга Дунаев.

Двадцать выстрелов, сорок выстрелов... сто... С характерным протяжным стуком рвались мины в черном становище фашистов.

— Ну как?

— Идет.

Полтораста, двести выстрелов... Запас привезенных с собою мин иссяк.

— Ничего машина! Было б снарядов больше взять, — одобрительно проговорил Дунаев, вытирая рукавицей потный лоб. — Хитрые вы, туляки, насчет оружия!

— Какая хитрость! — сказал медленно Ермаков с улыбкой неудержимой гордой радости. — Какая хитрость! Дело простое. Самоварная труба! Как заказали...

И он провел рукой вверх-вниз.

Из фронтового блокнота

Первый день

Михаил Евстафьевич Попов, младший лейтенант, связист по боевой специальности, выздоровел после ранения. Из госпиталя его послали в подразделение командира Позняка.

Попов ожидал, что его направят в прежнюю часть. Слишком дорога и свежа была память о прошлом, о товарищах, ставших за время войны ближе родных. Почти невозможно было представить себя без них на поле боя.

А приходилось итти в подразделение, которое только училось и кто знает еще, когда будет в боях!

Попов принимал роту. Десятки молодых здоровых людей, десятки спокойных глаз внимательно разглядывали своего нового командира.

Нужно было сказать бойцам несколько слов в этот первый день их встречи. Попов назвал себя, сообщил, где служил прежде. Люди стояли не в строю, стояли «вольно», и все же какая-то особенная строгая подобранность была в их фигурах, в их движениях. Как будто все чего-то ждали.

— Вы связисты, — заговорил Попов, еще не вполне

зная, что он скажет. — Может быть, не все из вас полностью понимают всю важность на войне дела связи и какая огромная ответственность лежит на каждом из нас — на бойце, на командире!

Он замолчал на мгновение, вопросительно оглядел бойцов. Они переглядывались, слегка поворачивая головы, словно искали того непонятливого, о котором он сказал. Попов отвел глаза.

— Можно ли вести бой и победить, если между частями и подразделениями утрачена связь, если командир не знает, что делают его подразделения, не может передать им свой приказ? — сказал он опять и опять оглядел всех, словно ожидал от них ответа. — Нет, — ответил он сам. — Так бой вести нельзя... Вот вы в бою. Вот здесь наши окопы, вот там предполье врага...

Он показал, где окопы, и все посмотрели туда; он показал, где предполье, и все повернулись в ту сторону. Он видел то, что показывал — изрытый снег, щели в земле, чернеющие впадины минных разрывов. И они видели тоже.

— Враг переходит в атаку, — повышая голос, проговорил Попов. — Нужно немедленно передать приказ батальону выйти врагу во фланг. Понятно? И вдруг связь отказала... Каждая секунда на счету. Вопрос — о победе или поражении, о жизни или смерти десятков людей. А связи нет! Можем мы допустить это?

Голос Попова стал жестким, сухим, на скуластом лице сдвинулись брови. Командир спрашивал, настаивал; теперь нельзя было не отвечать. И по тому, как колыхнулись все, каким нетерпеливым, не знающим прощения гневом к виновникам этого только лишь предположенного Поповым случая дышали их лица, он прочитал ответ — единственный, который возможен.

И точно в первый раз увидел Попов опять этих людей. Всех вместе и каждого в отдельности. Какое мужественное лицо у того, крайнего! Какой хороший, умный взгляд у его соседа! Как крепко взволнован тот, темноволосый, с узким смуглым лицом, что стоит возле дуба, и как он похож на кого-то, очень знакомого, очень родного... только не вспомнить, на кого. И все они братья тех, с которыми Попов плечом к плечу сражался вчера, люди, с которыми, может быть, завтра он опять будет в бою.

И ему, Попову, дано научить их, сделать из них

хороших связистов. Это честь, это доверие, которое еще нужно оправдать. Он передаст им все, что есть у самого, все, что узнал за годы работы в электроцехе, за годы учебы, за месяцы войны, равные многим годам. Он добьется того, что там, где будут работать его бойцы, там хрупкая, нервная ткань войны — связь — будет неуязвима, будет надежна и крепка.

И, подчиняясь большому чувству, испытывая огромное желание теперь же, сразу зажечь, вдохновить людей, Попов стал говорить о том, как должен работать связист — знать свою технику всю до последнего винтика, сохранять и беречь ее, уметь в любой обстановке провести линию, устранить малейшую неисправность, уметь действовать и днем и ночью, и в тылу и под огнем, владеть тонким искусством маскировки, уметь запомнить на всю жизнь местность, пройденную с линией хотя бы только раз.

Потом сказал о самом главном. Связист — боец. Он должен быть храбрым, свободным от страха, готовым на подвиг, на смерть. Он должен владеть винтовкой, уметь окопаться, уметь в любой момент сменить телефон на автомат.

Кому же, как не им, молодым, еще неопытным бойцам, с такой неутолимой жадностью ловящим каждое слово, рассказать о боевых товарищах Попова, об этих простых и смелых людях! И Попов стал рассказывать о сражении у деревни Береза.

Фашистские танки шли в атаку. Наши подразделения должны были отступить. Красноармеец-связист Летуновский находился с аппаратом в блиндаже наблюдательного пункта.

Фашистские мины падали возле блиндажа. Одна ударила в грушу, росшую над ним; осколки и сучья засыпали накат блиндажа.

Казалось, в этом месте невозможно дольше оставаться. Но сейчас только бесперебойная связь могла обеспечить победу. Летуновский понял это.

Он остался в блиндаже. До конца, один. Под грохот разрывов, под скрежет и рев фашистских танков поддерживал он связь между подразделениями.

Атака фашистских танков была отражена.

Где теперь Летуновский? В каком блиндаже, у ка-

кого простреленного, видавшего виды аппарата бьется сейчас его мужественное сердце?

Попов остановился. О чем еще рассказать? О красноармейце Богомазе, который, преодолевая опасность, вышел к своим, вынес оружие, кабель, тяжелые аппараты?

Или о том, как несколько раз в течение жаркого боя у деревни Н. рвалась связь и всякий раз вновь восстанавливали ее связисты под уничтожающим огнем врага? Нет, это позже, когда-нибудь потом... А теперь о селе Хинель.

Было так.

Стрелковому батальону, саперной роте и роте связи, в которой находился он, Попов, приказали занять оборону возле села Хинель, сдержать немцев, дать возможность отвести нашу технику, перегруппировать главные силы.

Немцы пошли в наступление. Они шли нагло — пехота, танки, — их было много, очень много. В сравнении с ними наша оборона — горсточка храбрецов. Пять часов длился неравный бой. С воем хлестали мины фашистов, рассыпая осколки; с мощным гулом рвались снаряды наших орудий...

Наглость фашистов поубавилась. Они отказались от попыток взять оборону в лоб и предприняли обход. Справа пошли их танкетки, помчались мотоциклисты-автоматчики, слева двинулись танки. Но оборона выполнила свою задачу, наши люди могли оставить рубеж. Отходить нужно было селом, перейти мост.

Мост оказался на замке: возле него трещал немецкий мотоцикл, потоками огня подстерегала идущих фашистская танкетка.

Замок нужно было взломать. Любой ценой.

Попов пополз. Рядом ползли еще два бойца. Кто они? Так и не удалось Попову узнать их имена.

Лихорадочно строчили автоматы и пулеметы. Рой пуль с тонким змеиным свистом проносился над дорогой, над головами.

Было еще далеко. Все же один из бойцов швырнул гранату. Разрывом сшибло мотоциклиста, через полуоткрытый люк поразило водителя танкетки. А пулемет продолжал бить.

Нужно подползти ближе, ударить вернее... Но уже встал во весь рост второй боец. Плечистый, длиннорукий, он широко размахнулся и бросил в танкетку противотанковую гранату, большую, похожую на пест. Осколки могли задеть его самого. Должно быть, он не слишком заботился об этом. И то, что минуту назад было танкеткой, стало вдруг бесформенной чадящей грудой.

Подступ к мосту был открыт. Но кольцо не было прорвано. Прорваться — значит пробиться за мост, преодолеть огонь автоматчиков. Два красноармейца поставили на машину пулемет: пронестись вихрем, расстрелять с хода фашистских шакалов!..

Фашисты ударили по скатам; машина не пошла.

Тогда пулеметчики спустили пулемет снова на землю и, послав очередь, дерзко продвинулись вперед. За ними, прижимаясь в канавах, ползли саперы, связисты, стрелки. И еще и еще очередь пулемета и еще, еще бросок...

Пулемет достиг настила моста.

— Вперед, за родину! — закричал политрук.

Люди поднялись. На ураганный огонь фашистов они ответили бурей атаки. Они бежали, стреляя с хода из винтовок, из самозарядок — десять, пятнадцать, двадцать метров... Загрохотали танки врага, подступала фашистская пехота. Или удастся прорваться сейчас, или...

Длинной яростной трелью прозвучала очередь пулемета. Пулеметчики выпустили всю ленту. Видно было, как побежали фашисты, как они выскакивали из кустов, стреляли на ходу не глядя, не оборачиваясь, наугад.

Попова ранило в бедро.

Что дальше?.. Бой у деревни Голопузово, опрокинутый немецкий заслон, голубая сеть трассирующих пуль на фоне черного, непроницаемого неба... И подвиг лейтенанта Бузаева, уложившего на месте с помощью подоспевшего на выручку другого командира двенадцать фашистов, и обезумевшие от страха, полураздетые фашистские вояки, падающие на колени с поднятыми вверх руками, их вибрирующие заячьи голоса: «Твоя! Рус, твоя!..»

Да разве все вспомнишь, все расскажешь!

Бойцы окружили Попова. Это было то, именно то, чего они ждали! Теперь они хотели знать все подробности.

— Товарищ младший лейтенант, были тогда у связистов потери в средствах связи?

— Что сказал потом Летуновскому командир?

— Как дралась в Хинели рота связи?

Они забрасывали Попова вопросами: красноармеец Писарев, командир отделения Макарский, сержант Шастин, другие — все!

Улыбаясь, с чувством глубокого удовлетворения отвечал им Попов.

Мстить врагу — значит упорно бить и уничтожать его, отдавать этому все свои силы. Мстить врагу — значит еще и множить ряды бойцов, закалять их волю, вооружать их своим опытом.

Трудно было Попову понять сейчас, о чем он сожалел, когда выписывался из госпиталя и получил назначение в эту часть.

Комиссар Гензик

В летние дни напряженных боев на одном из участков юго-западного фронта, когда немцы, сосредоточив там крупные силы, теснили наши войска, произошло событие, которого не ждали фашистские генералы.

В глубоком фашистском тылу появились советские кавалеристы. Они прорвались на стыке двух немецких армий, форсировав реку Птичь, и стремительно двигались по тылам, уничтожая отдельные немецкие подразделения, угрожая их основным путям сообщения.

Немцы второпях бросили навстречу конникам два своих юнкерских училища.

27 июля в восьмичасовом бою у станции С. шестьсот немецких юнкеров — цвет фашистского воинства — были истреблены нашими кавалеристами. Тогда немцы спешно подтянули резервную дивизию. Но и она не могла справиться. Тогда они бросили еще две своих дивизии, сняв их с фронта. Но и трем фашистским дивизиям задача оказалась не по зубам.

Советские кавалеристы, укрываясь в лесах, двигались ночью, непрерывно совершали внезапные ночные

и дневные налеты, захватывали станции и города, истребляли живую силу противника, громили его штабы, склады, железнодорожные составы, взрывали мосты. Несколько раз немцам удавалось окружить смелых кавалеристов. Но понятие «окружение» для наших кавалеристов просто не существовало. Мощным ударом прорывала советская конница немецкое кольцо и ураганом мчалась дальше.

Двадцать один день длился этот славный рейд. Задача оттянуть на себя немецкие силы с фронта и тем помочь нашим частям была осуществлена. Кавалеристы вновь с боем форсировали Птичь и соединились с советскими войсками.

Так действовало в июле прошлого года кавалерийское соединение командира Бацкалевича; комиссаром в этом соединении был Михаил Константинович Гензик.

Жизненный путь его — путь человека, целиком посвятившего себя делу народа. Ленинградский рабочий, тогда почти еще мальчик, он в апреле 1918 года вступил в партизанский отряд Никитина, действовавший при Себежском совете депутатов. Тут, в этом отряде, произошли первые боевые стычки молодого красного партизана с немецкими кайзеровскими бандами.

Годы борьбы с белогвардейцами — с генералом Мамонтовым, Шкуро, Врангелем, с махновцами — сформировали его характер, закалили волю. Учеба в Ленинградской высшей кавалерийской школе дала теоретические знания.

Гензик стал опытным, мужественным руководителем.

В сентябре прошлого года части Бацкалевича была дана задача выйти в район П. на поддержку нашим пехотным соединениям. Завязался бой у села Б. Часть Бацкалевича заняла оборону. Немцы открыли бешеный огонь.

Разрывом снаряда тяжело ранило Бацкалевича. Он упал. Гензик увидел это и подбежал к командиру. Бацкалевича на плащ-палатке отнесли в сторону, за угол избы.

Новый снаряд разорвался в пяти метрах. Осколками убило медицинскую сестру, одного бойца, ранило врача, ранило в ногу Гензика.

— Продолжайте перевязку Бацкалевича, — хладнокровно предложил Гензик другой сестре.

Он ничего не сказал о своей ране. Он комиссар части, он посланец партии в ней. Именно теперь, в момент выбытия из строя командира, от его выдержки и выносливости зависело все. Нужно было руководить, направлять действия людей. Гензик принял на себя управление боем. Он ходил, стараясь не хромать; кровь хлюпала в сапоге при каждом шаге.

И лишь после того, как прекратилось замешательство, вызванное тяжелой потерей, лишь тогда, сдержанно и мягко улыбаясь, стараясь не привлекать к себе внимания, Гензик попросил посмотреть его ногу.

Вечером в село Б. вошло стрелковое подразделение, а часть Гензика получила задание выйти с боем к населенному пункту О.

В тот момент немцы занимали деревню на переправе. Два подразделения Гензик направил по флангам для захода врагу в тыл. Расчет был верен. Комбинированным ударом с тыла и в лоб немцы были выбиты из деревни и почти все истреблены.

Часть Гензика заняла пункт О. Теперь нужно было открыть выход нашим войскам на реку П. Этот выход — гать по четырехкилометровому болоту, посреди которого протекала река С. — перехватили немцы.

Ехать в седле Гензик не мог: нога распухла, болела. Он передвигался в повозке. Но когда кавалеристы восстановили подорванный немцами мост через реку С., Гензик оставил повозку и, превозмогая боль, сел на лошадь. На карьере в конном строю, под шквальным огнем противника, с обнаженными саблями, с криками «ура» советские конники вихрем промчались по гати и выбили немцев с занятых ими позиций.

Восемнадцать дней дралась часть Гензика против во много раз превосходящих сил врага. Кавалеристы отбивали танковые атаки, уничтожали фашистских автоматчиков. Восемнадцать дней Гензик бил фашистские орды во главе своих подразделений, показывая пример бесстрашия, выносливости.

7 октября часть выполнила задание. А вечером восьмого Гензик по распоряжению командования был срочно направлен в тыл.

— Так нельзя! Родине нужны ваше здоровье, ваша

жизнь, — сказал старший начальник Гензику, стараясь быть суровым.

Он оглядел коренастую фигуру Гензика.

— Немедленно отправляйтесь в госпиталь! Слышите?

Но голос выдал: в нем звучало уважение, плохо скрытое сочувствие, дружеская теплота.

— Есть отправиться в госпиталь! — ответил Гензик.

Решением правительства комиссар Михаил Константинович Гензик награжден орденом Ленина.

Трое

Первый бой сложился так.

У станции Луговой танки врага прорвали нашу оборону; два танка проникли на станцию и высадили десант автоматчиков.

На стороне врага была внезапность. У нас, кроме батареи младшего лейтенанта Свиридина, здесь, в сущности, не было сил, способных дать отпор врагу.

Тогда командир принял решение: три орудия батареи отвести назад, а орудие огневого взвода младшего лейтенанта Лепешкина двинуть навстречу танкам. Точными, меткими выстрелами один фашистский танк был подожжен, другой остался на месте с перебитыми гусеницами. Танковый рейд немцев под Луговой был сорван.

И именно потому, что первая боевая схватка произошла столь неожиданно, Лепешкин испытывал особое удовлетворение.

Бой у станции Луговой показал ему, что его взвод сколочен хорошо, люди находчивы, стойки, бесстрашны и слова у них не расходятся с делом.

Немало боев с немецкими оккупантами выдержали с тех пор бойцы батареи Свиридина.

...У деревни Ивановское на западной окраине Волоколамска немцы пытались задержаться. Деревня была сильно укреплена, дороги минированы, подходы пристреляны.

Два дня длился бой. Взвод Лепешкина получил приказание выдвинуться и занять освобожденную от

немцев часть деревни. Деревня выгибалась коленом. Два орудия взвода били прямой наводкой по домам, превращенным немцами в ДЗОТы. Одно наше орудие вышло из строя, и его пришлось отвести. Теперь всю тяжесть борьбы выносило орудие сержанта Шматько из взвода Лепешкина.

Не успели бойцы на руках выкатить это орудие на главную улицу, к церкви, — отсюда удобнее было вести огонь, — как по улице прямо на церковь стремительно выкатился немецкий танк. Слева в лощине послышался скрежет другого. Он шел в обход деревни.

Два танка, огонь многих немецких пушек, укрытых в ДЗОТах, и одно, только одно наше орудие...

— Товарищи, помните Луговую? — тихо сказал Лепешкин. — До последнего снаряда, до последней капли крови!..

— Есть до последней!.. — ответил сержант Шматько. — Товарищ младший лейтенант, теперь бы нам в эти ворота...

Лепешкин понял: каменные ворота, арка, могли служить удобным прикрытием, отсюда лучше встретить танки врага.

— Воевать — не щи хлебать! — подмигнул кому-то наводчик, сержант Довлечин, подхватывая вместе с другими орудие.

И все, кроме самого Довлечина, улыбнулись, и всем стало весело от этой шутки.

Орудие вкатили под арку, развернули. Фашистский танк был уже метрах в двадцати.

— По танку противника — огонь! — взволнованно воскликнул Лепешкин.

Довлечин навел. Орудие содрогнулось, с ворот посыпалась щебенка.

Снарядом сшибло на танке башню. Он остановился.

— То-то же! Воевать — не щи хлебать! — опять сказал Довлечин каким-то особенно едким тоном, и теперь все дружно засмеялись.

Из танка фашисты выскочили на дорогу. Их расстреляли из винтовок.

А справа к орудию уже двигался второй танк, обошедший по лощине. В секунды орудие было развернуто вновь.

— За пайком? У нас без очереди, — посулил Довлечин, как всегда не улыбнувшись.

Орудие вкатили под арку. Фашистский танк был уже метрах в двадцати.

— Всыпь им, всыпь! — жестко отозвался Шматько.

Пули защелкали по столбам арки; осколком снаряда высекло из нее град кирпичей.

Но артиллеристы не торопились. Они подпустили танк метров на сорок. И снова орудие качнулось, и снова грохот разрыва... Второй немецкий танк остановился, подшибленный в ходу. В эту минуту фашистский снаряд ударил в орудие сержанта Шматько. Оно загорелось. И возле него пали коммунист Лепешкин, комсомолец Шматько и непартийный большевик Довлечин.

Так погибли эти трое — сыны народа, люди, взращенные великой партией Ленина — Сталина. Погибли, победив врага в неравной борьбе, обессилев его танки, опрокинув его замысел вновь овладеть важным населенным пунктом на дальних подступах к Москве.

ДОМИК НА ОЗЕРЕ

Василий вышел на крыльцо, осторожно прикрыв дверь, и, привычно припадая на левую, простреленную еще в гражданской войне ногу, сошел по скрипящим ступенькам с наросшими на них глыбами льда. Почти рядом, за домом, темнел лес. Впереди лежало озеро. Оно угадывалось в вязкой безлунной и беззвездной ночи — просторное и ровное; выстрелы далеких советских батарей метили красными вспышками его пологие скрытые тьмою берега.

Левее, за лесом, давно, уже много часов, то приподымаясь и светлея, то оседая и подергиваясь мутью, пульсировало зарево: горел поселок Долгий.

Василий стоял, не замечая холода. Кто бы мог ждать, кто мог думать, что будет так! Куда делись теперь все рыбачки с их пешнями, чайниками, связками коротеньких удилищ, с разговорами о блесёнках, об окунях — милые зимние гости Василия? Увидит ли он их когда-нибудь? С ними ли встретит весну?

Василий поглядел в ту сторону, где был сарай и где теперь стояли лодки. Надо их осмотреть — многим нужен ремонт, — подобрать парные весла. Из ста бадеек для живцов разбито тридцать, и нет веревок. Все нужно наладить, все привести в порядок к весне. По-

думалось, как было в прошлом году. Не в прошлом году — всегда. Жадный весенний щучий жор. Соревнования на спиннинг и на кружки [1]. Десятки быстроходных килевых, свежевыкрашенных в зеленое, словно игрушечных лодок, застывших на стеклянно-тихой воде, пылающей пожаром зорь. И посвист крыльев утиных стай, и празднично чистая, нежнейшая дымка первой зелени, и меланхолический, томный гул кукушек, и шалая, вечером, ночью, днем, трель соловьев.

«Неужели не это?» подумал Василий.

Прольет воду набухший снег, отточит от берегов серо-зеленые льды озера. А в тех домишках за деревьями, где прежде были лагеря, будет звучать чужая речь, в поселке по асфальтированному, разбитому войной, шоссе станут прогуливаться по вечерам не комсомольцы, не поселковые девушки, а немецкие обер-лейтенанты. А русские родные люди будут скитаться по лесам...

Неужели будет так?

Знакомый, как бы исходящий из самого неба, невыразимо тягостный, припадочно воющий звук медленно проплывал над мертвым озером. Опять!.. Василий поднял голову. И сразу вспомнил, как вспоминал и вчера и третьего дня, еще в детстве слышанные сказки о ведьмах, о нечистой силе, справляющей по ночам дикие оргии, вылетающей в полночь для своих страшных, смрадных дел.

«Нечистая сила... Она и есть!» подумал Василий.

Он взглянул туда, где был город. По угольно-черному небу в безудержной пляске скользили голубые узкие мечи. Они встречались, скрещивались, переплетались, рассекая небо, разбегались вдруг, подламываясь ложились и, как бы обретя новые силы, взвивались снова, прямые, негнущиеся, чтобы вновь встретиться, вновь закружиться в хороводе. А в черных провалах между ними быстро, остро прочерчивались красным по черному бесчисленные штрихи, мгновенные и короткие как стрелы.

Это он, гигантский город. Это огни его борьбы. Он бодрствовал, он жил...

«Никогда! — подумал Василий. Внезапно он ощутил ту несгибаемую, как луч прожектора, уверенность, которой жил все время. — Никогда не будет этого!»

[1] Способы рыбной ловли.

И, как бы соединив что-то в себе, снова подумал о весне, подумал о лодках. Завтра же, завтра же он займется.

Щипало уши, промерзшая рубашка холодно липла к плечам. Василий вошел в дом.

— Ну что там? — спросила Анна, беспокойно подняв голову. Она легла не раздеваясь.

— Все то же, — ответил Василий.

Он сел возле стола. Тускло коптил ночничок.

— Не простудись: ходишь раздетый, — опять сказала Анна.

Василий промолчал. Если бы разверзлась земля, рушился этот дом и час, который встречали они, был бы последним, наверно Анна так же хлопотала бы о том, чтобы Василий не прозяб и не забыл захватить варежки. Должно быть, это была любовь.

Здесь, в доме, грохот разрывов казался ближе и сильнее. Толчками вздрагивали и звенели занавешенные окна. Где-то ППС 1836... где это может быть?.. где-то на фронте сын, командир артиллерийского полка. Давно от него не было писем. А теперь их и не будет. И где-то в госпитале дочь.

Было что-то постыдное, почти преступное в том, что он, Василий, сидит тут бездельно у стола, в местности, занятой немцами, а его дети — да его ли только дети? — все, вся страна, все, в ком бьется сердце русского, борются, делают что-то первостепенно важное, не щадя себя и жизни, чтобы развеять сумасшедшую беду.

Старость... Да так ли уж он стар? Вот пятый год заведует он этой рыбацкой станцией, этим домиком на берегу. Он первый по спиннингу, у него лучшая дальность в забросе, высшая точность. А на кружках? Иной не успеет их пустить, а у Василия уже есть, уже бьется в мешке десяток щучек! Это ли старость?..

Анна легонько сопела.

— Ань, — позвал Василий.

Анна испуганно открыла глаза.

Вот Анна, та постарела. Она постарела! Сколько морщин! А моложе Василия на год или на два. Подалась, подалась Анюта!..

Василий понял, что не может сказать то, что хотел.

— Слышишь? Полынья-то... закрылась! — проговорил он, улыбаясь, первое, что сейчас вспомнил.

— Полынья... Еще чего! — сказала Анна сердито. Она звучно зевнула. — Ложись, нечего керосин переводить.

И оттого, что она рассердилась и пожалела керосину, оттого, что, зевнув, обиженно поджала сухую нижнюю губу — эта ее манера всегда не нравилась Василию, — он почувствовал: теперь он скажет обо всем.

— Уйду я, — сказал он тихо, глядя в пол.

Анна как будто не удивилась.

— Куда?

— В лес, — сказал Василий.

Он тщательно избегал ее цепких, бойких глаз.

Анна молчала. Василий вынул кисет и стал свертывать папиросу из табака с примесью клевера. Пальцы его слегка дрожали.

— Без ноги-то, — проговорила Анна жестко, почти с презрением. — Что же ты, на крыльях летать будешь? Кому ты нужен там в лесу!

Нога... Это было точно приговор. Нога... Проклятая!.. Совсем о ней забыл Василий. Всю жизнь она мешала ему! Всю жизнь она приковывала его!.. Он ослабел вдруг, обессилел.

— Иди ложись, будет чудить, — окликнула Анна, смягчаясь.

Василий встал. Пять десятков трудных лет давили его тяжелым грузом. Да, нечего делать, больше нечего делать. Он швырнул к порогу окурок.

С трудом удерживаясь от ядовитых грубых слов, точно Анна виновата, что он стар, что он инвалид, что он не нужен в лесу, не нужен нигде в эти суровые, особенные дни, когда каждый важен и нужен, он громоздко опустился на кровать.

Под утро к ним постучали. Василий вскочил, в темноте нащупал спички. Слышно было, как скрипит снег на крыльце, как звучат под окном непонятные слова.

— Грабить! Это пришли грабить! — взволнованно шептала Анна.

Она не очень-то боялась: все, что могло иметь цену, Василий зарыл.

В избу вошли трое. Василий стоял, не зная, что ему говорить теперь и делать.

— Ты будешь рыбак? — спросил щуплый маленький немец, откидывая покрытый инеем башлык.

— Ты будешь рыбак? — спросил щуплый маленький немец.

— Да, — ответил Василий.

— Ты будешь нас проводить за реку. Ты знаешь дорог... Скоро! — добавил он, качнув автоматом. — Рус будет стрелять, тебя тоже будет стрелять.

Василий оглянулся беспомощно. Они хотели куда-то пройти, хотели за озеро. Ну и что же? Ну и при чем же здесь Василий?

Анна посмотрела на него остро, тревожно.

— Скоро!.. Ну? — прикрикнул щуплый.

Это не было сном. Они, немцы, фашисты, вот те, что вчера сожгли поселок, что убивают и расстреливают, что летают по ночам выжигать русские города, хотели пробраться к русским в тыл, и он, Василий, именно он, должен им в этом помочь!

Оторопело, крупно хромая, Василий прошел через избу к дальней стене. Там были ходики. Они тикали и сейчас. Там была фотография сына. Она темнела и сейчас. Там на гвозде висел полушубок. Василий медленно протянул к нему руку. Что же теперь делать? Растерянность путала мысли. Отказаться? Мол, инвалид, мол, неспособен! Но они знали. Кто-то их послал сюда.

Василий снял с гвоздя полушубок. Подойти бы теперь к Анне, поговорить бы... Он тыкал рукой в мягкую шерсть и не мог найти рукав.

«Полынья!» подумал Василий. Широкая, дымящаяся под красноватым низким солнцем свинцово-черная изогнутая полоса знакомо вырезалась в памяти.

Немцы нашли кружки Василия. Они ломали поводки, пробовали прочность шнуров.

«Полынья!» снова подумал Василий. Нынче она замерзла. И это было хорошо.

Вот он хотел уходить в лес. Теперь это пришло само. И что же он теперь? Василий глядел на фотографию сына.

«Ну как, папаша? Все попрыгиваешь? Как рыбка?» писал Арсений в каждом письме. Он был веселый. Он шутил, любил шутить.

«И будет веселый, — подумал Василий. Он отыскал наконец рукав. — И будет, будет веселый!»

Немцы ломали тройнички. С сухоньким треском отскакивали на пол стальные шпильки.

— Валенки! — сказал Василий тоном обиды, взглянув на щуплого.

Он показал на свои ноги и наклонился у кровати.

— Поведешь? — спросила Анна одними губами.

Василию захотелось сказать ей что-нибудь ласковое, сказать, что он на нее не сердится и чтобы она не забывала и написала о нем детям.

— На дно бы их... в омут! — пробормотал он с едкой ненавистью.

И оглянулся в испуге: слова сорвались слишком громко. Немцы не слушали. Василий надел шапку и валенки. Анна спустила ноги с кровати и всхлипывала. Она покачивалась, словно у нее болели зубы. На мгновение показалось: еще все можно поправить, сделать все как-то лучше, умнее. Это мелькнуло и прошло.

— Ладно, будет тебе! — крикнул Василий с порога.

Анна рванулась:

— Васенька! Сокол!

Василий пропустил немцев мимо себя и осторожно закрыл дверь.

Он шел впереди. За ним те, трое. Дальше по два шли еще. «Шестнадцать», посчитал Василий. Сгорбленные тени идущих чуть намечались на снегу.

Под ногами было озеро. Василий повернул с тропинки в снег. Немцы заговорили позади, потом утихли. Василий не оглянулся. Они покорно шли за ним.

«Так-то ладней», усмехнулся Василий. Груды сухого снега пылью текли и улетали из-под ног. С трудом, высоко вскидывая плечо, Василий выбрался на твердое.

«Сокол», вспомнилось ему. Ну и смешно сказала Анна!

Вот здесь, у этой куги, хорошо брала плотва. За зорю иной раз удавалось наловить побольше пуда.

А там дальше, где столбы и цветут белые лилии, там на мели даже дети таскали фунтовых карасей.

Не было куги, не было столбов, не было лилий — только снег. Но Василий видел, видел...

На той стороне, около мыса, куда хотели выйти немцы, прожгла тишину гулкая очередь. «На ночь бой всегда стихает», подумал Василий.

Кто-то толкнул его в плечо. Немец — не щуплый, другой, тот, что ломал тройнички, — что-то быстро говорил, показывал на себя, на берег, направо, налево.

«Догадались», сообразил в страхе Василий.

— Не верите? — крикнул он сдавленно. — Тогда стреляйте! Сразу стреляйте! А я своей жизни не враг!

Он ударил себя в грудь.

— Никак нельзя! Там всем конец. Полынья! Река проходит. Сколько народу потопуло! Сверху затянет, а глядишь... Теперь кругом надо, кругом!

Он говорил взвинченно, страстно.

— Иди, — сказал щуплый вполголоса.

Василий пошел.

Смутно маячил дальний лес. Снег здесь был тоньше и нежнее. Итти стало легче.

«Кучей, навалом», думал Василий. Вспомнились Арсений, дочка. Подумалось: вот он, Василий, проходит здесь в последний раз. Вспомнились лодки — видно, не будет им осмотра. Но все это было тусклым, ненастоящим. Только бы не догадались, только бы не промахнуться!

Он вглядывался в мутную даль. Что-то темнело под берегом. Мерещится? Да нет, это же устье! Там не замерзло. Как скоро! Василий удивился. И оттого, что это — устье, что неожиданно вплотную надвинулось то, что казалось еще таким далеким, почувствовал Василий в груди легкое замирание, словно поднялся на гору и поглядел оттуда вниз.

Он остановился и подождал идущих следом. Задние подходили медленно, нехотя, как бы раздумывали, не остановиться ли и им.

— Вас ист хир? — недовольно спросил щуплый.

— Как бы на мины не напоролись, — быстро проговорил Василий, не понимая и не слушая. — Тут мины есть. Дружнее бы шли.

— Мины? — В голосе щуплого теперь была тревога.

Василий усмехнулся.

— А как же? Тут, может, сотня их раскидана! Саперы были. Да мы-то ведь видали где.

— Иди, — приказал щуплый.

Снег лежал здесь хрупкой пленкой. Валенки льнули ко льду. Немцы шли теперь теснее. Что-то щелкнуло под ногами звонко, чисто.

— Мель, — развязно сказал Василий. Он засмеялся. — Совсем воды нет! Лед лежит прямо на дне.

Он чутко прислушивался. Самая середина, быстрина! А лед держал.

Что же это будет?.. Года такого не было, года не вспомнить. Даже в финляндскую войну... Василию стало вдруг душно, волосы под шапкой слиплись.

Он отыскал взглядом устье реки. Как оно далеко! Он слишком забрал влево. Он погнался за глубиной, а лед здесь крепче. Старый дурак! Теперь уже ясно: он ошибся. Хотелось бить кулаком в грудь, браниться, кричать...

Странно могучий, длинный звук, будто кто разорвал гигантский ситец, наполнил вдруг озеро и ночь. Кто-то закричал позади. Что это?..

Зеркало льдины под ногами медленно наклонялось. Из черной щели густым потоком шла вода. Василий скользил. Рядом стучали чьи-то выстрелы. Там, где он только что прошел, чернел провал. В стремительно растущем зеве что-то барахталось, возилось...

Чувство безмерного облегчения обняло Василия. Вот и все... вот и конец!

Была невероятна простота, с которой случилось то, чего он ждал.

Он косо прыгнул, взмахнув руками, и присел. Ледяная вода сжала дыхание. Сердце зашлось. Казалось, оно сейчас порвется. Василий жадно глотнул воздух. Он уцепился за край льдины. Льдина повертывалась. Водой поднимало ноги Василия и тянуло их под лед. «Ничего, — подумал Василий, — ничего — он может выбраться!..»

Руки сорвались. Пальцы стали как из ваты. Дергаясь телом, болтая ногами — нельзя было понять, есть на них валенки или их смыла вода, — Василий вновь нащупал льдину. «Пробиться бы к устью... куда-нибудь на крепкий лед. Сокол... когда это?..» Льдина крошилась с тихим шелестом.

«В Уфе, — подумал Василий. — В Уфе. Беляки строчили с крыши, а Василий их из винта... И тогда она сказала...» Он вдруг увидел ее. Ее морщины, руки, забытые в коленях. Она сидела и покачивалась, точно у нее болели зубы. Она догадалась, она знала...

Василий рванул полушубок. Чувство невыносимой жгучей жалости, страшной утраты ударило его. Как это так вышло? Как же это он мог?.. Не сказать ничего, ни одного слова! Что никогда он не сердится. Что благодарен ей за молодость, за детей... за всю их жизнь!..

Это нельзя было вместить. Как же это случилось, как же это могло?.. Он налег грудью на льдину. Льдина сломалась. Вода хлестнула в рот, в глаза. Василий вынырнул, задыхаясь, разбрызгивая осколки льдин. Кто-то позвал его по имени. Он слепо перебирал руками, моргал, отфыркивался. Левую ногу свело. «Тону», подумал Василий. Что-то скребнуло по спине...

Василий лежал, грузно уткнувшись в колкий снег.

— Васенька! Вася! Слышишь?.. Нельзя! — твердила Анна.

Она толкала его, старалась поднять.

— Иди, Вася!.. Василий! Надо итти. Так ты помрешь!

Анна. Василий не удивился. Стало быть, она шла следом. Это она выловила его. «Багром», подумал Василий.

Он привстал. Нужно было итти. Тело не слушалось его. Да что же Анна? Что она там?

Анна нагнулась, подняла багор.

— Что же ты копаешься? — проговорил хрипло Василий с внезапной досадой. — Багор и после можно взять!..

Анна склонилась к нему.

— Один было вылез, — сказала она с кроткой улыбкой. — Будто тот, маленький. Вижу — ползет! Ну, я багром...

Она подхватила Василия...

Прозвучал орудийный выстрел.

Начинался новый день.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Третий день шел бой в районе железнодорожной станции Гулятино. Третий день командира взвода старшего сержанта Якова Снопкова не покидало чувство нетерпеливого приподнятого ожидания.

«Может быть, они в лесу или в Шипилине, — все-таки в стороне... А может быть, и не ушли, может быть, сидят в землянках», думал Снопков.

И все же как-то трудно было представить, что вот там, где теперь держится враг, где взлетают и плывут, медленно округляясь, черные дымы разрывов, в этой разбросавшейся полукольцом маленькой деревушке, напоминающей сотни других маленьких деревушек и в то же время столь не похожей ни на одну из них, — там старики — отец и мать, там братишка... А может быть, там же и Тося...

Как-то они все? Живы ли? А Тося?.. Она-то уехала, она ведь счетовод МТС. Вспоминает ли хоть изредка о нем? Как давно было все это! В сущности, Снопков так и не знает, как относилась к нему Тося. Любила посмеяться, любила нравиться — это, конечно, юность. Но ведь все-таки два года... Иногда начинало даже казаться, что она не глубокая, легкомысленная девочка.

Тяжело дыша, проваливаясь по пояс в снег, Снопков вышел на бугор. Следом змейками двигались отделения. Тут им нужно было ждать. Зазвучит «ура», рассыплется справа перед деревней дробь пулемета, тогда наступит их черед.

Взвод подошел хорошо, скрытно. Именно потому и поручили задачу взводу Снопкова, что Снопков знал эту местность.

Бугор зарос ольхой, можжевельником. Здесь легко было таиться. Правда, прежде кустов было как будто больше. Да, конечно, было побольше. Снопков по-новому, словно у него вдруг прояснилось зрение, оглядел кустарник, распушившийся серебряными зимними цветами, вершинку бугра, почти голую, со стеблями старых трав, скат, по которому только что прошел...

Милые вы мои!.. Сколько же раз подымался здесь Снопков, сколько раз стоял на этом бугре! И какая здесь всегда росла сладкая земляника! Еще везде она была зеленой, а здесь, на бугре, совсем спелая, почти черная от спелости. А когда бывали здесь в ночном, разводили костер вон в той лощинке. Там рос необыкновенный хвощ: на его бесконечно длинных темных корнях попадались иногда земляные хрустящие орешки.

Да не бугор только! Все, все кругом — и лес, и овраги, и села за ними, и блестящие нити рельс, и выкрашенные в желтое нарядные постройки станции, — все здесь привычное, свое: здесь прошло детство, здесь вырос Снопков, здесь недалеко он учительствовал, здесь отдыхал летом, встретился с Тосей, помогал в делах колхозникам...

И все это теперь у немцев. Несколько месяцев! Они ходили по этим полям и лесам, может быть и по этому бугру, грузились на станции в вагоны, располагались в деревнях, хозяйничали в избах, спали, ели...

«Что же наши медлят? Пора!..» нетерпеливо подумал он, оглядываясь, стараясь понять, что происходит теперь там, где залегала его рота.

Снопков не мог сейчас бездействовать. И хотя все было уточнено, он опять собрал командиров и еще раз повторил задачу атаки, указал направление, ориентиры, рубежи.

Обманутые активностью с фронта, не ждавшие удара в тыл, фашисты побежали, не успев зажечь колхозные дома.

Рота заняла деревню.

На улице уже сновали и суетились ребятишки.

— Красная армия! Красная армия! — кричали они, и их ликующие голоса походили на голоса пролетных птиц.

У колодца бойцов встречали женщины. Снопков узнал Анну Орлову, Ирину Лепешкину, бабушку Катерину. Как они нищенски одеты, оборваны, как изможденны их постаревшие, осунувшиеся лица!

— Кормильцы, родные!.. Пришли! Освободили!

Женщины вытирали слезы, счастливо улыбались.

— Анюта! Ириша! — крикнул Снопков, пьянея от огромной, какой-то словно плывущей радости.

Они не узнавали его.

— Снопков, Яков Андреев, — сказал Снопков и остановился.

Анна взмахнула руками:

— Яша! Ты?!

— Никак, Яшка? Батюшки! Да ведь он, самый же он! — восклицала бабушка Катерина, жмуря подслеповатые глаза.

— Я, я... милые вы мои! — повторял Снопков с рассыпавшимися мыслями. Чего-то недоставало ему, чего-то недоставало... Да, старики!.. Где же старики?

— А что мои? Ничего? — спросил он вдруг.

Он увидел, как потускнело лицо Анны, как отвернулась почему-то Ириша, как закрестилась бабушка Катерина — мелко, часто, — она крестила только грудь.

— Говорите, говорите, ничего, это ведь ничего, — торопливо проговорил Снопков, быстро, остро оглядывая ускользающие глаза и лица женщин.

— Горький ты наш! — хлипко сказала Катерина.

Другие промолчали.

«Вот, значит, как...» растерянно подумал Снопков.

И вспомнил, что не мог узнать утром с бугра крыши родного дома и удивился тогда этому.

Он побежал в другой конец деревни. Женщины не отставали. В сугробе темнели обломки бревен, шелковисто синели мелкие угли, одиноко возвышалась почерневшая развалившаяся печь.

Снопков смотрел тяжело, долго — без мысли.

— Родные? — спросил кто-то позади.

Снопков узнал голос политрука. Он ответил не оглянувшись:

— Да...

— Двери приперли, часовых выставили... и зажгли... Что сделаешь! Сидим, трясемся... И будто слышно, как кричат, — сказала Орлова.

— Все были живы, все — и Андрей, и Луша, и красноармейцы, и Антонина, — убежденно произнесла Ириша с ужасом в голосе.

Снопков качнулся.

— Красноармейцы? — спросил он глухо.

Он слушал всем существом своим, всей кровью о страшных последних днях своей семьи. Немцы захватили в деревне шесть раненых красноармейцев. Раздели их догола, выбросили на дорогу, запретили к ним подходить и помогать. Трое умерло. Остальных красноармейцев Андрей, отец Якова, и Тося — она не успела уехать и попрежнему жила на квартире у Снопковых — перенесли ночью в избу.

— Все Антонина, все она, — сказала Ириша. — Плачет, дрожит: «Это наши, родные... не должны мы допустить».

Утром к отцу Якова пришли немцы.

— Вам теперь будет капут, — сказал немецкий офицер.

Он ткнул ногой красноармейца, лежавшего ближе к дверям.

Мать начала плакать. Тогда Тося сказала, что красноармейцев перенесла в избу она. Одна она, только она!

«Тося!» подумал Снопков с тоской и болью.

Андрей отстранил Тосю.

— Дури! — крикнул он строго. — Смотрите, парни-то какие! Ну разве ей таких поднять?

Он медленно оглядел немцев, сел на скамейку, погладил бороду — длинную, рощенную. Потом сказал не торопясь:

— Я потаскал.

— Есть все равно, — ответил немец.

Больше они ничего не знали — ни Анна, ни другие: их выгнали из избы. Потом из нее слышались стоны, страшный крик... Потом все стихло. Потом запылала изба; головни падали на сарай, — загорелся и сарай. От сарая занялась еще и баня.

— Вот и вся теперь ваша семья: ты да вот Гриша, — грустно проговорила Анна.

«Гриша... Милые вы мои!.. — Как же Снопков мог не спросить! — Гриша, братишка! И он жив, он уцелел!»

— Где он? — стремительно спросил Снопков.

Женщины переглянулись.

— В березках, — негромко многозначительно сказала Анна, высоко вскинув редкие брови. Она придвинула лицо к уху Снопкова.

— С Шестипалым... мосты рвет!..

Вечером политрук пришел во взвод. Он долго беседовал с бойцами, говорил о зверствах фашистов, рассказал и этот случай.

И когда слушал Снопков об отце, матери, Тосе, о настоящей девушке Тосе, об их подвиге и муках, когда слушал о братишке-партизане Грише — казалось ему, не о его только близких рассказывает политрук, что он говорит о всех советских людях, чью любовь к родной стране и ненависть к врагам не сломят, не могут сломить самые лютые страдания, не может сломить смерть.

И с гордостью, прямой и ясной, подумал Снопков, что он и Гриша — дети Андрея, дети народа. Он поднялся. Бойцы замерли в уважении суровом и строгом.

— Одна моя мысль, одна моя жажда, — тихо и страстно сказал Снопков, — одна наша общая мечта — вперед скорей!

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Ребята! Напишите нам свое мнение об этой книге и какие книги вы хотели бы прочитать в «Военной библиотеке школьника».

Наш адрес: Москва, Малый Черкасский пер., 1. Детгиз.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи 3
Дружба 10
Испытание 15
Из фронтового блокнота
Первый день 21
Комиссар Гензик 26
Трое 29
Домик на озере 33
Возвращение 43

ОИК-81445

Цена 80 коп.

6244